

ПОРТРЕТ ГЕРЦЕНА 1836 г. РАБОТЫ А. Л. ВИТБЕРГА*

Сообщение А. Ф. Коростина

1834 год — год разгрома герценовского студенческого кружка; Герцен и Огарев были арестованы, затем сосланы: Герцен — в Вятку, Огарев — в Пензу. Две части одной поэмы, — по выражению Герцена, — были разрознены. Однако в Вятке Герцен встретил человека, глубокая и сердечная дружба с которым скрасила Герцену годы ссылки. То был Александр Лаврентьевич *Vitberg* (1787—1865), известный архитектор и — что менее известно — незаурядный портретист. «Вятка скучна, но благословляю судьбу, бросившую меня сюда. Встреча с Витбергом выкупает половину неприятностей разлуки», — писал Герцен невесте 26 марта 1836 г. (I, 261) и, говоря о Витберге, цитировал Огарева:

...весь художник он,
Он все окинул быстрым оком
На поле вымысла широком.

Трагическая судьба Витберга, оклеветанного, осужденного и так же, как Герцен, сосланного в Вятку, поразила Герцена; величие архитектурных замыслов Витберга — потрясло. Витберг, один из крупнейших представителей русской архитектуры первых десятилетий XIX века, прославился своим проектом грандиозного «храма-памятника 1812 года» на Воробьевых горах, в Москве. Проект этот осуществлен не был. Герцен, глубоко чтивший память двенадцатого года, с горечью назвал проект Витберга «надгробным памятником великому намерению монументально увековечить славу 1812 года» (I, 111).

Герцен принял в Витберге горячее участие, помог ему материально, заставил его приняться за свои «Записки», сам работал над ними вместе с автором и, наконец, задолго до написания «Былого и дум», заявил о своем намерении жизнь Витберга «пером симпатии» передать потомству (I, 462). Свое намерение Герцен исполнил отчасти уже в 1837 г. («I Maestri», см. I, 436). Позже он посвятил Витбергу в «Былом и думах» целую главу.

Дружба с Витбергом, скрасившая Герцену годы ссылки, оставила след не только в биографии Герцена, не только в его переписке, но и в его иконографии. В Вятке, в 1835 и в 1836 гг., Витберг, по просьбе Герцена, нарисовал два его портрета, оба погрудных и обращенных профилем влево. Более поздний портрет — 1836 г. — дан, в отличие от первого, с небольшим поворотом; таким образом чуть виден и правый глаз. Первый портрет был отправлен Герценом в Москву, отцу; второй в конце 1836 г. был подарен Герценом Наталье Александровне Захарьиной, ставшей вскоре его женой. Посылая Наталье Александровне свой подарок, Герцен писал: «Сходство разительное; там все видно на лице — и моя душа, и мой характер, и моя любовь. Кроме Витберга, кто мог бы это сделать? (...) Я радовался, что черты моего лица выражают столько жизни и восторга» (I, 334).

* См. воспроизведение этого портрета в настоящем томе, на вкладном листе.

Далее Герцен сообщал, что он изображен на портрете «в бешмете», том самом, в котором он был «9 апреля 1834 года» (день свидания арестованного Герцена с Натальей Александровной в каземате Крутицких казарм в Москве).

Приведем и ответное письмо Натальи Александровны, разделявшей восторг Герцена: «Никто не находит большого сходства, кроме маменьки. А то даже папенька говорит: в глазах что-то не твое. Что же мудреного, конечно, для всех, и для него, и даже для меня, в твоём взоре новое. Как ты, а я, мой ангел, нахожу, что ты смотришь на портрете так, как ты смотрел на меня 9 апреля <1834 г.>, держа крепко, крепко мою руку и спрашивая о голубе. Да и костюм тот же, как он мне нравится, как он идет к тебе! Ты никогда не был так хорош, как в нем<...> Ну, посмотришь ты, ради бога, как ты хорош! Видал ли ты кого-нибудь подобного? Я всегда восхищаюсь тобою, теперь ты еще похорошел <...> Ну поверь мне, никогда бог подобного не создавал»¹.

Портрет, исполненный Витбергом в 1836 г., — лучший в иконографии молодого Герцена. Он понравился Герцену, оценившему его одухотворенность, выразительность, энергию выраженных в нем чувств. Герцен требовал от портретиста изображения внутренней жизни человека. Его «рассердили» портреты Н. П. Огарева и его молодой жены, присланные Огаревым из Пензы. «Портреты получил, был рад, но это не Витберг: да, он <Огарев> похож, — его лицо, но души его не видать, и притом с улыбкой». Встарь всегда жену рисовали с цветком, мужа со шпагой и обоих с улыбкой...», — писал Герцен по поводу присланных портретов (I, 503).

В 1842 г. оба портрета Герцена работы Витберга находились уже у самого Герцена: «Вчера я смотрел долго на два портрета мои Витберговой работы. <...> И мне стало грустно», — записал Герцен в дневнике 1842 г. (III, 47). Дальнейшая судьба портретов неясна. Первый, исполненный в 1835 г., не найден и до сих пор². Что же касается второго, то он стал известен впервые в 1898 г., когда фотография с него появилась на выставке в память В. Г. Белинского, устроенной в апреле этого года в Москве Обществом любителей российской словесности. В каталоге выставки было указано: «Собственность Е. С. Некрасовой, портрет, сделанный в Вятке, когда Герцену было 25 лет, художником Витбергом. Оригинал в Лондоне у А. А. Герцена»³. В альбоме выставки, изданном тогда же, портрет был воспроизведен с надписью: «По фотографии с портрета работы Витберга в Вятке»⁴. То была первая публикация герценовского портрета 1836 г.

В 1905 г., казалось, этот портрет Герцена стал общественной собственностью. Московский коллекционер Сергей Козьмич Говоров принес его в дар Третьяковской галереи, и галерея этот дар приняла⁵; повидимому, считали, что приносимый в дар портрет и есть оригинал того самого портрета, фотография с которого экспонировалась на выставке в память Белинского в 1898 г.: никто не обратил внимания на то, что между экземпляром, поступившим в Третьяковскую галерею, и экземпляром, известным по фотографии, появившейся на выставке 1898 г., полного тождества не было (различны пропорции головы, по-разному нарисовано ухо и т. д.). Иными словами, никто не заметил, что экземпляр, находившийся в 1898 г., по сведениям каталога выставки в память Белинского, у А. А. Герцена-сына, и экземпляр, принесенный в 1905 г. С. К. Говоровым в дар Третьяковской галереи, не тождественны, а представляют собой два варианта портрета.

С момента поступления витберговского портрета в Третьяковскую галерею его популярность год от году возрастала; в течение последних пятидесяти лет именно этот экземпляр портрета и воспроизводился бесчисленное количество раз во всевозможных изданиях, посвященных Герцену.

В 1945 г. автором настоящего сообщения в составе огромного собрания русских литографированных портретов, хранящегося в Гравюрном кабинете Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве (ГМИИ), был обнаружен портрет Герцена⁶, который только на первый взгляд, чисто внешним образом — своей детальной отделкой и полной завершенностью, — походил на литографию, а на самом деле представлял собой рисунок, исполненный итальянским карандашом на небольшом (30,0 × 22,7) листе ватманской бумаги. Внизу справа, мелким, «бисерным» почерком, выцветшими чернилами надписано: «Рисовал Видберг»⁷. На обороте листа обращает на себя внимание подпись, сделанная карандашом, крупными буквами, раздельно: «А г а р е в о й», т. е. Наталье Алексеевне Тучковой-Огаревой, второй жене Н. П. Огарева, впоследствии жене Герцена. Предположение о том, что адресатом могла быть первая жена Н. П. Огарева — Марья Львовна, скончавшаяся в 1853 г., следует, конечно, отвергнуть. М. Л. Огарева с 1841 г. почти все время жила за границей, витберговский же портрет Герцена, как мы знаем по вышеприведенной записи из дневника Герцена, в 1842 г. находился в руках самого Герцена; к тому же и отношения Герцена с М. Л. Огаревой никогда не были близкими.

Сравнение портрета в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина с фототипией, опубликованной в альбоме выставки 1898 г. и исполненной по фотографии из собрания Е. С. Некрасовой (а также с самой этой фотографией, хранившейся в составе собрания Некрасовой в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁸), со всей убедительностью показало, что и фототипия и фотография воспроизводят именно данный, новонайденный экземпляр портрета 1836 г. При этом становится вполне достоверным и вышеприведенное указание каталога выставки 1898 г. относительно принадлежности в это время оригинала портрета А. А. Герцену-сыну.

Действительно, портрет, переданный или, во всяком случае, предназначенный когда-то Н. А. Тучковой-Огаревой — второй жене Герцена, мог после смерти Герцена оказаться, естественно, в распоряжении его потомков и храниться в 1898 г. у А. А. Герцена-сына, в Лозанне. Последняя тень сомнения на этот счет исчезает, когда мы узнаем из «Путевых заметок» Е. С. Некрасовой, что при посещении в 1893 г. квартиры А. А. Герцена в Лозанне она видела на стене «портрет молодого двадцатипятилетнего А<лександра> И<вановича>, сделанный карандашом еще в Вятке художником Витбергом»⁹.

Однако дальнейшую судьбу оригинала витберговского портрета после 1898 г. — вплоть до поступления его уже в советское время в Гравюрный кабинет Румянцевского музея (ныне Гравюрный кабинет ГМИИ им. А. С. Пушкина) проследить пока не представляется возможным. М. К. Лемке, составивший в 1910-х годах «опись» иллюстративных материалов, касающихся Герцена, его семьи и друзей, и использовавший с этой целью архив семьи Герцена, оригинала портрета 1836 г. уже не видел, местонахождения его не знал¹⁰.

Находка в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина витберговского портрета, бывшего когда-то собственностью сына Герцена, заставила нас внимательно изучить вариант этого же портрета, с 1905 г. хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Исполнен он, как и портрет в ГМИИ, на бумаге, итальянским карандашом. Размеры листа почти совпадают (32,0 × 23,0 см — портрет Третьяковской галереи; 30,0 × 22,7 — портрет ГМИИ). Но вот любопытная и существенная деталь: на обороте портрета, хранящегося в Третьяковской галерее, в центре надпись карандашом — «Кетчеру», сделанная, несомненно, той же рукой, что и надпись «Агаревой» на обороте портрета в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

О чем может свидетельствовать наличие двух подобных однотипных надписей?

Прежде всего, о том, что оба портрета когда-то находились в одном владении, в одних руках, и что кто-то, имевший право распорядиться портретами, сделал на их оборотах аналогичные передаточные надписи.

В чем же владении могли находиться портреты? Конечно, во владении самого Герцена. Известно, что Герцен, уезжая в январе 1847 г. со всей семьей за границу, не предполагал, что уже не вернется в Россию, и все свое имущество оставил в Москве; оставил, несомненно, и портрет свой «витберговой» работы, как оставил портреты своих родителей, исполненные И. З. Летуновым, портрет Н. А. Герцен работы К. А. Горбунова и многое другое¹¹.

Кто сделал надписи («Агаревой» и «Кетчеру»), т. е. был лицом, распорядившимся один из портретов (вне всякого сомнения, лучший) передать Н. А. Тучковой-Огаревой, а другой — одному из друзей Герцена, Н. Х. Кетчеру, мы не знаем и установить это не так легко. Дело в том, что обе надписи сделаны не обычной скорописью, а «вырисованы» нарочито старательно, каждая буква в отдельности. Это и затрудняет определение авторства путем сравнения с почерками близких к Герцену лиц. Наиболее вероятно, что надписи могли быть сделаны либо Т. А. Астраковой, другом семьи Герцена, либо его братом — Егором Ивановичем. И Т. А. Астракова и Е. И. Герцен, как известно, имели право распоряжаться имуществом Герцена, оставшимся в Москве на их попечении.

Наличие на обороте экземпляра Третьяковской галереи надписи — «Кетчеру», — подобной той, которая стоит на обороте экземпляра в ГМИИ, проливает свет на происхождение экземпляра галереи. Экземпляр этот до поступления к коллекционеру С. К. Говорову, принадлежал, оказывается, Н. Х. Кетчеру. Это, однако, еще не так существенно, существенно другое: мы вправе предположить, что и экземпляр Третьяковской галереи когда-то, до передачи Кетчеру, входил, как и экземпляр ГМИИ, в состав герценовского имущества, и что оба экземпляра в какой-то (пока еще неустановленный) момент были «распределены», повидимому, с ведома самого Герцена. При этом лучший экземпляр, ныне находящийся в ГМИИ, был предназначен для передачи или пересылки Н. А. Тучковой-Огаревой, что означало, вероятнее всего, просто-напросто возвращение его Герцену, а экземпляр худший, ныне находящийся в Третьяковской галерее, был предназначен одному из друзей — Кетчеру.

Точно установить, когда произошел этот «раздел», пока не представляется возможным. Не исключено, что это произошло в канун отъезда Н. П. и Н. А. Огаревых за границу (в марте—апреле 1856 г.), но, может быть, и позже. Примерно, в 1856—1857 гг. Герцен, как мы знаем, послал Н. Х. Кетчеру свою фотографию, снятую в 1856 г. в Ницце¹². Приблизительно в это же время он мог распорядиться передать Кетчеру и «второй» экземпляр «витбергова» портрета 1836 г. Более поздняя дата передачи маловероятна, так как отношения между Герценом и Кетчером позднее, как известно, испортились.

Нам остается возможно детальнее и внимательнее сравнить между собой оба экземпляра витберговского портрета Герцена 1836 г. При этом сравнении сразу же бросается в глаза, что голова Герцена на портрете Третьяковской галереи сильно обужена; сужены и плечи, кажущиеся недоразвитыми, как у подростка. Совсем по-другому выглядит Герцен на портрете ГМИИ: круглая голова (а Герцен действительно был круглоголов), правильный, широкий лоб, нормальные плечи. Бесспорно, экземпляр Третьяковской галереи дает деформированное изображение Герцена — результат, думается, прежде всего, недостаточного умения художника, и не Витберга, конечно, а неизвестного пока по имени художника-копииста, ско-

пированного портрет, ныне находящийся в ГМИИ. В некоторую заслугу этому копиисту мы должны поставить лишь то, что в сравнении с экземпляром, хранящимся в ГМИИ, он выправил (уменьшил) пропорции уха Герцена.

В экземпляре Третьяковской галереи изображение Герцена потеряло свою жизненность, рельефность, убедительность; каждая линия, каждый штрих стали вялыми и невыразительными. Изображение в целом выглядит плоским. Сравнивая оба изображения, мы ощущаем с полной очевидностью, что портрет в собрании ГМИИ ясен и точен в деталях, портрет же из собрания Третьяковской галереи передает детали изображения неточно, приблизительно. Это касается и лица (глаз, носа, особенно же губ и подбородка) и аксессуаров; складки одежды, воротничок, галстук утратили свой рельеф, стали плоскими, схематическими.

Портрет из собрания Третьяковской галереи по своим художественным достоинствам настолько уступает экземпляру в собрании ГМИИ, что мы никак не решаемся приписать его карандашу самого Витберга и видеть в нем авторское повторение Витберга (автокопию). Художник, исполнивший экземпляр Третьяковской галереи, обнаружил коренное непонимание художественных особенностей оригинала и явно исказил образ молодого Герцена¹³.

В заключение еще раз напомним слова Герцена, характеризующие портрет 1836 г.: «Сходство разительное; там все видно на лице — и моя душа, и мой характер, и моя любовь <...> Я радовался, что черты моего лица выражают столько жизни и восторга». Мы полностью разделяем эту характеристику при взгляде на оригинал Витберга в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина — изображение, поражающее нас своим живым характером, одухотворенностью, эмоциональностью. И эта же характеристика Герцена становится решительно неприемлемой и непонятной при взгляде на «кетчеровский» экземпляр портрета в Третьяковской галерее — настолько это изображение плоско, вяло и безжизненно.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. И. Герцен. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной, изд. Павленкова, т. VII. СПб., 1905, стр. 163, 165.

² Портрет 1835 г. был впервые опубликован в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 77, по фотографии, сохранившейся в Пушкинском доме (ИРЛИ). С этого портрета была в 1836 г. сделана — в Москве — копия, местонахождение которой тоже неизвестно. «Герцен просил отца, — пишет М. К. Лемке, — заказать для Натальи Александровны копию с портрета, сделанного Витбергом, но Яковлев отказал; все устроила Луиза Ивановна, и 31 марта Егор Иванович <Герцен> принес Наталье Александровне давно жданный подарок» (I, 227). Имя копииста не названо; этим копиистом, возможно, был «дворовый живописец» Л. А. Яковлева — Иван Захарович Летунов (сведения о котором см. в настоящем томе, стр. 771—772).

³ «Каталог выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского. 3—11 апреля 1898 г.», М., 1898, стр. 8; «в Лондоне» (вместо «в Лозанне») — очевидная опечатка. Е. С. Некрасова дважды посетила А. А. Герцена в Лозанне, оставив в «Путевых заметках» описание квартиры А. А. Герцена и принадлежавших ему семейных реликвий (см. в настоящем томе, стр. 754).

⁴ «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского, изданный К. А. Фишером». М., 1898, табл. 17.

⁵ «Каталог Городской галереи П. М. и С. М. Третьяковых», изд. 27. М., 1917, стр. 212 (№ 3084).

⁶ См. об этом нашу заметку в газете «Советское искусство», 1945, № 22.

⁷ Экземпляр портрета Герцена работы Витберга в ГМИИ им. А. С. Пушкина хранит следы принадлежности к какому-то большому собранию или даже нескольким собраниям. В правом нижнем углу наклеен ярлычек с № 8553 (8552?); на лицевой стороне справа, внизу, помета: «П 509/66» и, наконец, на обороте, в левом верхнем углу имеется карандашная надпись:

Англ. кл<уб>
из папки
№ 2658.

На основании этой последней надписи можно заключить, что портрет вскоре после Октябрьской революции поступил в Центральное хранилище Государственного музейного фонда, помещавшееся в 1918—1919 гг. в здании бывш. Английского клуба в Москве. В этой же папке № 2658 находились (о чем свидетельствуют надписи на обороте листов) и некоторые литографированные портреты современников Герцена, хранящиеся ныне также в Гравюрном кабинете ГМИИ им. А. С. Пушкина: портрет Е. Ф. Корша — инв. № 89049, В. Ф. Одоевского — инв. № 61067, и др.

⁸ В настоящее время передана в Государственный исторический музей.

⁹ См. в настоящем томе обзор Н. П. Анциферова, стр. 758.

¹⁰ Не значит портрет Герцена работы Витберга и в каталоге иконографических материалов семейного архива Герцена, составленном в 1910-х годах Н. А. Герценом (внуком). Однако в 1912 г. портрет еще находился в руках потомков Герцена. В письме Н. А. Герцена к М. К. Лемке от 7 мая 1912 г. читаем: «У нас есть оригинальные портреты Герцена, писанные Витбергом, Ге и моей тетушкой, Натальей Александровной» (см. ниже в настоящем томе, стр. 853).

Портрет Герцена работы Ге и сейчас составляет собственность потомков Герцена. Что же касается «витберговского портрета» 1836 г., то наследники Герцена, видимо, после 1912 г. при каких-то невыясненных обстоятельствах расстались с ним.

В связи с изложенным не лишнее отметить, что угроза продажи каких-то «картин» возникала еще в 1903 г., при жизни А. А. Герцена, скончавшегося в 1906 г. Об этом мы узнаем из письма М. К. Рейхель к Е. С. Некрасовой от 20 марта/2 апреля 1903 г. «То, что вы пишете о продаже картин, сделало мне тяжелое впечатление, но я тут постараюсь найти *circonstances atténuantes**. Может быть, были затруднительные финансовые обстоятельства, с такой большой семьей без больших средств трудно вывернуться <...> Я не знаю, продано ли что, — это было бы мне очень жаль и очень грустно. Большой портрет Александра Ивановича масляными красками, писанный Ге, очень ценная и дорогая по своему значению вещь» (ЛБ, Некр., 1/4, № 51).

¹¹ Портреты И. А. Яковлева и Л. И. Гааг работы живописца И. З. Летунова были пересланы Герцену его братом — Егором Ивановичем — только в 1862 г. (XV, 101); портрет жены — Н. А. Герцен, исполненный К. А. Горбуновым в 1845 г. и хранившийся у Т. А. Астраковой, так, по видимому, переслан и не был (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 20—21); вероятно, он сгорел при пожаре (см. стр. 545 настоящего тома).

¹² См. в настоящем томе обзор Н. П. Анциферова, стр. 761.

¹³ Возможно, что автором копии с портрета Витберга 1836 г. был тот же художник, который копировал, по поручению Л. И. Гааг, и портрет 1835 г. (см. примеч. 2). Не был ли им, в обоих случаях, И. З. Летунов? В связи с этим небезынтересно привести следующие строки, приписанные Л. И. Гааг к письму Н. А. Захарьиной Герцену (из Москвы в Вятку, 8 октября 1837 г.): «Сегодня получила от жены Лихонова <Летунова?> портреты. Послать ли их тебе или нет? У меня есть также письмо от него к тебе, которое я при случае тебе перешлю» (П а в л е н к о в, VII, 362, с ошибками; подлинник — на немецком языке — ЛБ, Г.— О. IX, 138). Письма И. З. Летунова к А. И. Герцену не сохранились.

* смягчающие вину обстоятельства (франц.).